

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-4-840-852

EDN: FFJRKI

Научная статья / Research article

Значение книги О. Сулейменова «Аз и Я» для современной компаративистики

В.Р. Аминова^{1,2}, М.И. Ибрагимов³, К.М. Миннуллин³

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация

²Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Казань, Российская Федерация

³Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, Казань, Российская Федерация

 amineva1000@list.ru

Аннотация. Исследование посвящено рассмотрению книги О. Сулейменова «Аз и Я» в контексте ключевых категорий сопоставительного литературоведения, исследующего диалогические отношения между различными языками, литературами и культурами. В центре внимания находятся такие опорные понятия, как «принцип дополнительности» и «рядоположенность литератур», которые позволяют преодолеть европоцентризм традиционной компаративистики и утвердить равноправие всех участников межлитературного взаимодействия. Методологическую основу исследования составляют герменевтический анализ текста, концептуальный анализ основных категорий сопоставительного литературоведения и историко-генетический метод, применяемый для реконструкции становления научных идей. Новизна работы заключается в том, что в ней впервые устанавливаются точки резонанса между идеями казахского мыслителя и разработками татарских ученых. Доказано, что «Аз и Я», несмотря на дискуссионность ряда этимологий, актуализирует глубинные связи между тюркскими и славянскими языками и культурами, выступая интеллектуальной альтернативой дихотомным типологиям и открывая новые перспективы для междисциплинарных исследований. Установлено, что герменевтика «Слова о полку Игореве», предложенная О.О. Сулейменовым, раскрывает эпистемологический потенциал «принципа дополнительности» смыслов, который оказывается востребованным при изучении межлитературных диалогов. В своих выступлениях и статьях О. Сулейменов, не отрицая влияния русской литературы на другие литературы народов СССР, подчеркивал их равноправие. Это резонирует с идеей рядоположенности литератур, согласно которой они начинают проектировать совместный креативно-рецептивный смысл, выявляющий, с одной стороны, универсалии словесно-художественного искусства, а с другой — раскрывающий потенциал их этнокультурной идентичности.

Ключевые слова: О. Сулейменов, «Аз и я», «Слово о полку Игореве», тюркославистика, сопоставительное литературоведение, диалог, принцип дополнительности, рядоположенность литератур, билингвизм

История статьи: поступила в редакцию 10.08.2025; принята к печати 10.10.2025.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Аминова В.Р. — аннотация, введение, заключение, раздел «Принцип дополнительности»; Ибрагимов М.И. — введение, заключение, раздел «Рядоположенность литератур»; Миннуллин К.М. — концепция исследования.

© Аминова В.Р., Ибрагимов М.И., Миннуллин К.М., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Академии наук Республики Татарстан по проекту № 25-28-20082, <https://rscf.ru/project/25-28-20082>

Для цитирования: Аmineva B.P., Ibragimov M.I., Minnullin K.M. Значение книги О. Сулейменова «Аз и Я» для современной компаративистики // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 4. С. 840–852. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-840-852>

Significance of O. Suleimenov’s Book “AZ i IA” for Modern Comparative Studies

Venera R. Amineva^{1,2}✉, Marsel I. Ibragimov³ORCID, Kim M. Minnullin³ORCID

¹Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Moscow, Russian Federation

²A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

³G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation

✉ amineva1000@list.ru

Abstract. This study examines O. Suleimenov’s book “AZ i IA” (Me and Myself) in the context of key categories of comparative literary studies, which explore the dialogical relationships between different languages, literatures and cultures. The focus is on such fundamental concepts as the ‘principle of complementarity’ and the ‘equality of literatures,’ which make it possible to overcome the Eurocentrism of traditional comparative studies and establish the equality of all participants in interliterary interaction. The methodological basis of the study consists of hermeneutic text analysis, conceptual analysis of the main categories of comparative literary studies, and the historical-genetic method used to reconstruct the formation of scientific ideas. The novelty of the work lies in the fact that it establishes for the first time points of resonance between the ideas of the Kazakh thinker and the developments of Tatar scholars. The article proves that, despite the controversial nature of a number of etymologies, “AZ i IA” actualises the deep connections between Turkic and Slavic languages and cultures, acting as an intellectual alternative to dichotomous typologies and opening up new perspectives for interdisciplinary research. It has been established that the hermeneutics of The Tale of Igor’s Campaign, proposed by O.O. Suleimenov, reveals the epistemological potential of the ‘principle of complementarity’ of meanings, which is in demand in the study of interliterary dialogues. In his speeches and articles, O. Suleimenov, without denying the influence of Russian literature on other literatures of the peoples of the USSR, emphasised their equality. This resonates with the idea of the equality of literatures, according to which they begin to project a joint creative-receptive meaning that reveals, on the one hand, the universals of verbal art, and on the other, the potential of their ethnocultural identity.

Keywords: O. Suleimenov, AZ i IA, The Tale of Igor’s Campaign, Turkic studies, comparative literature, dialogue, principle of complementarity, equality of literatures, bilingualism

Article history: received: 10 August 2025; accepted: 10 October 2025.

Conflict of interest: the author declares that there is no conflict of interest.

Authors’ contribution: Amineva V.R. — worked on the abstract, introduction and conclusion. Wrote the section ‘The principle of complementarity’. Formatted the article. Ibragimov M.I. — worked on the introduction and conclusion. Wrote the section ‘Parity of Literatures.’ Minnullin K.M. — the concept of research.

Funding information. The research was funded by a grant from the Russian Science Foundation and the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan under project No. 25-28-20082, <https://rscf.ru/project/25-28-20082/>

For citation: Amineva, V.R., M.I. Ibragimov, and K.M. Minnullin. 2025. “The Significance of O. Suleimenov’s Book ‘AZ i IA’ for Modern Comparative Studies.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (4), 840–852. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-840-852>

Введение

Книга О.О. Сулейменова «Аз и Я» становилась предметом не только идеологических дискуссий, но и научной и художественной рефлексии. Тем не менее, как считает исследователь научной и творческой деятельности О.О. Сулейменова У.М. Бахтикиреева, лишь небольшое число ученых смогли объективно ее охарактеризовать [1. С. 7]. Размышляя о влиянии научных трудов О.О. Сулейменова на формирование и развитие духа времени, У.М. Бахтикиреева приходит к выводу: «Как и знаменитый „измеритель температуры“ эпохи — „Аз и Я“, они играют огромную роль в создании морального критерия эпохи, в суде над отрицающими явлениями в науке, в самой жизни, в зримых и незримых течениях, формирующих исторический процесс» [1. С. 16].

Герменевтика «Слова о полку Игореве», предложенная в книге «Аз и Я», оказывается востребованной при разработке методологии и принципов сопоставительного изучения национальных литератур и культур. Сопоставительное литературоведение — новое направление в компаративистике, теоретико-методологические основы которого были разработаны в коллективных трудах казанских литературоведов под руководством Я.Г. Сафиуллина. Оно основано на исследовании диалогических взаимоотношений между разными языками, литературами и культурами. В рамках этого направления сложилась своя система терминов: «диалог», «идентичность», «множественность литератур», «со-существование литератур», «принцип дополнительности» смыслов и др. (см.¹). Идея сопоставления литератур опирается на широкий ряд теорий, концепций, идей, ориентированных на понимание литературы с точки зрения множественности и различия. Бахтинская идея диалога, труды евразийцев, исследования Г.Д. Гачева, посвященные национальным образам мира, современная философия (Ж. Деррида, М. Фуко, Ж. Делез, Ф. Гваттари и др.), утверждающая приоритет множественности над единством, различия над тождеством, — вот лишь некоторые продуктивные для сопоставления литератур научные и философские концепции. В этот ряд, безусловно, вписывается и идея тюркославистики, предложенная О.О. Сулейменовым.

Цель исследования — рассмотрение книги О. Сулейменова «Аз и Я» в контексте опорных понятий сопоставительного литературоведения, установление точек резонанса между книгой казахского мыслителя и идеями татарских ученых.

Методологической основой исследования выступает сопоставительный подход в литературоведении. В работе применяется комплекс теоретических методов: герменевтический анализ текстов; концептуальный анализ основных категорий сопоставительного литературоведения; историко-генетический метод для реконструкции происхождения и развития идей.

¹ Theory of literature: student’s dictionary. 2010. Ed. by Ya.G. Safiullin; comp. Ya.G. Safiullin, V. R. Amineva, A. Z. Khabibullina etc. Kazan: Kazan university publ. 147 p. Print. (In Russ.)

Принцип дополнительности

Методологической основой филологических штудий О.О. Сулейменова является одно из важнейших эпистемологических завоеваний науки и философии XX в. — принцип дополнительности, сформулированный Н. Бором в квантовой механике, а затем перенесенный на любое научное описание. Этот принцип исходит из мысли о том, что действительность шире любых теоретических концепций, и по своему содержанию представляет собой комплекс идей, акцентирующих внимание на границах возможности описания любого явления, на отсутствии логического противоречия между противоположными исследовательскими стратегиями, на целостности и неделимости объекта познания (см. [2]).

В книге «Аз и Я» обосновывается иной, отличающийся от авторитетных научных интерпретаций, взгляд не только на язык «Слова о полку Игореве», в котором присутствует значительное количество слов и выражений, заимствованных из тюркских языков, но и на его идейное содержание, эстетику и поэтику. Нерешенность в современной медиевистике вопроса о том, насколько наличный текст произведения представляет собой аутентичное и связное целое, а также возможность того, что он несет на себе следы многочисленных позднейших изменений: вставок, пропусков, перестановок и т.д., позволяет автору книги «Аз и Я» поставить под сомнение сложившиеся в литературоведении советской эпохи теории и концепции.

Так, в трудах, посвященных этому памятнику древнерусской литературы, большое внимание уделяется принципам изображения главного героя «Слова...» и завершающему произведение эпилогу, в котором в разных уголках Руси поется слава Игорю. Д.С. Лихачев считает: «В образе Игоря Святославича подчеркнута, что исторические события сильнее, чем его характер. Его поступки обусловлены в большей мере заблуждениями эпохи, чем его личными качествами. Сам по себе Игорь Святославич не плох и не хорош: скорее даже хорош, чем плох, но его деяния плохи, и это потому, что над ним господствуют предрассудки и заблуждения эпохи. Тем самым на первый план в „Слове“ выступает общее и историческое над индивидуальным и временным. Игорь Святославич — сын эпохи. Это „средний“ князь своего времени: храбрый, мужественный, в известной мере любящий родину, но безрассудный и недалновидный, заботящийся о своей чести больше, чем о чести родины» [3. С. 191].

Ю.М. Лотман доказывает, что главный герой «Слова...» Игорь Святославич дан в двойном освещении: он вызывает и восхищение, и осуждение — и указывает на следующее: «Игорь в „Слове...“ выступает и как самостоятельный феодал, глава определенной региональной иерархии, и как один из русских князей, вассал великого князя Киевского. В этих случаях он подчиняется разным этическим нормам, и поведение его оценивается по-разному. Как самостоятельный феодал-рыцарь он ищет славы, а это, как мы видели, совсем не обязательно связано с успехом» [4. С. 90]. По мнению ученого, «Слово...» завершается здравницей в честь князя, потому что практическая необоснованность военных планов не ставилась рыцарю в упрек, более того: «... чем более несбыточна, нереальна с точки

зрения здравого практического смысла, чем более отделена от фактических результатов — семиотична — была цель, тем выше была слава попытки ее реализации» [4. С. 90].

Б.М. Гаспаров считает, что содержание памятника проецируется на мифологический подтекст, который подчиняет себе логику реального повествования: «Общая сюжетная схема „Слова“ представляет собой последовательность событий, типичную для мифологического цикла гибели / воскресения» [5. С. 25]. Вселенское ликование, которое воцаряется в финале «Слова...», когда ликуют страны и грады, а пение разносится по всей земле, автор монографии «Поэтика „Слова о полку Игореве“» объясняет следующим образом: «Чудесный акт воскресения героя является символом всеобщего спасения: не только герой мифа возвращается из заточения в потустороннем царстве, но вместе с ним вся земля празднует обновление и возвращение к жизни» [5. С. 25].

О.О. Сулейменов акцентирует внимание на том, что это ликование не только не соответствует реальному значению описываемого события, не только противоречит картинам гибели русской дружины и бедствий, которые обрушиваются на Русскую землю, но и по своей художественно-эстетической природе отличается от остального текста как более поздняя вставка переписчика XVI в. Завершая произведение возвращением Игоря на родину и всенародной радостью по случаю его спасения, переписчик XVI в. следует сложившемуся канону воинской повести: «Кажется, что все слова финала изображены заглавными буквами. То ли предвкушение окончания трудной работы наполняет ликованием последние строки? То ли представившаяся возможность самостоятельного творчества дает эмоциональный разгон перу копииста? Но очевидно одно — невероятная гремящая нота разрушает тонкую, пластичную конструкцию поэмы. Нелепая, как фанфара в финале „Концерта для струнного оркестра“. Как туш и призывы чемпионские марафонцу, пришедшему последним.

Не мог сам автор сделать такой вывод в пользу Игоря. Он-то знает его подлинную цену»².

Игорь едет из плена в Киев, а не в Новгород-Северск не потому, что Киев все еще мыслится автором памятника как центр Русской земли, если не реальный, то во всяком случае идеальный (см. [3. С. 198]), а потому, что переписчик, ориентируясь на те данные, которые он почерпнул из «Слова...», отправляет его в Киев, где его отчий дом: «И после побега куда стопы свои направит блудный сын? В Киев, к отчему злату столу»³.

Рассмотренный эпизод демонстрирует принципиальную недостаточность любого культурного кода, к которому апеллируют ученые, или любой системы описания выдающегося памятника древнерусской словесности. И не только его. Вообще любого произведения искусства как уникального средоточия и равновесия противоположных начал. Использование нескольких систем описания, их взаимодополнительность компенсируют эту неполноту стереоскопичностью и

² Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. Алматы: Жазушы, 1975. С. 130.

³ Там же. С. 131.

способно приблизиться к пониманию целостности исследуемых явлений. Эпистемологический потенциал этого подхода с наибольшей полнотой реализуется в компаративистике.

Поясним, как это происходит. Каждая национальная литература тождественна себе, образует неповторимую целостность и конструирует свою идентичность как «чужую» другим. Различия «своего» и «чужого» существенны для постижения национальной идентичности находящихся в диалоге национально-художественных систем, особенностей их функционирования в ценностном поле мировой культуры как уникальных духовно-практических образований. Именно различия между двумя литературами формируют словесно-концептуальное пространство диалога, иницируя направленные процессы смыслопорождения — центростремительные, направленные вглубь и раскрывающие потенциал развития национальной идентичности, и центробежные, устремленные вширь и учитывающие многообразие художественно-эстетических традиций и образующие новые модели их объединения («межлитературные синтезы»). Их порождают новые смыслы, которые определяют феноменологию, семантическую структуру и функционирование универсалий словесно-художественного искусства.

«Встреча» в читательском сознании двух литератур, в которых принципиально по-разному строятся отношения между формой и содержанием, частью и целым, внешними и внутренними границами художественного образа, вызывает проблематизацию присущих им устойчивых смысловых структур. В данном случае именно различие, уникальность национальных литературно-художественных систем, подобно различию исследовательских стратегий и их метаязыков, проиллюстрированному на примере исследований «Слова...», — условие их взаимодополнительности, а также расширения и обогащения сферы художественных представлений читателя. Анализируя данную герменевтическую ситуацию, Я.Г. Сафиуллин приходит к выводу: «Границы между приведенными антиномиями размываются, возрастает их метафоричность. Они воспринимаются как противоположные варианты описания явления более сложного, чем оно в каждой из них в отдельности представлено...»⁴

Книга «Аз и Я», характеризующаяся непротиворечивым сопряжением научной рефлексии и поэтической субъективности, логики и завораживающего смыслотворчества, востребована в современном мире и как неослабевающая интеллектуальная альтернатива дихотомным типологиям культур, идее «столкновения цивилизаций» (см. [6]) по линиям культурно-конфессиональных разломов. За ней стоит жизнеощущение, ориентированное не на противопоставление и поляризацию ценностно-смысловых позиций и кругозоров (по модели «или — или»), а на их взаимодополнительность и согласие (принципы «и, ... и», «как, ... так и»).

О. Сулейменов так характеризует свою концепцию: «Я впервые заявил, что „Слово о полку Игореве“ было написано для двуязычного читателя двуязычным автором. Допустим, русским, который владел и тюркскими языками. Значит, на

⁴ Сафиуллин Я.Г. Принцип дополненности // Теория литературы : словарь для студентов / науч. ред. Я.Г. Сафиуллин. Казань : Казан. ун-т, 2010. С. 79–80.

Руси тогда существовал билингвизм. Я попытался это доказать, опираясь на данные многих древнерусских источников»⁵. Свободное владение двумя языками способствует восприятию одной культуры в столкновении и единстве с другой. В книге выявляются соответствующие такому типу художественного сознания принципы поэтики и стиля. В их основе — синтезирующая тенденция, проявляющаяся на разных уровнях структуры художественного текста памятника: лексическом, контекстно-историческом, проблемно-концептуальном, образно-тематическом, мотивном и др.

Несмотря на дискуссионность разветвляющихся в «Аз и Я» этимологий слов, имеющих, как показывает О. Сулейменов, тюркские корни, они актуализируют глубинные связи между тюркскими и славянскими языками и культурами. Примечательны, например, наблюдения над прозвищем князя Всеволода — Буйтур. Трактовку этого определения как старинного славянского слова, часто встречающегося в русских былинах и указывающего на силу, храбрость и отвагу война, О. Сулейменов считает примером «народной этимологии». По его мнению, эта номинация — «находка для тюркологов, мечтающих понять этимологию слова батыр (батур, боотур, богатур, богатырь). „Слово“ единственный памятник, где отразилась праформа этого популярного после XIII века термина. В источниках X века его ещё нет. Родился он скорее всего в кипчакской среде в XI–XII веках (буй-туре — буквально „высокий господин“). Сохраняет черты языка волжских тюрков»⁶. Тюркское происхождение многих имен собственных, топонимов и других слов, как стремится доказать создатель тюркославистики, является свидетельством тесных контактов и взаимовлияния двух культур.

Общие корни выделяются и в мифологических представлениях славян и тюрков: сходные черты имеют образы богов, героев и космогонические сюжеты. О. Сулейменов обращает внимание на сюжет метаморфоз — превращение героев в животных (горностаю, гоголя, сокола, волка) и, с одной стороны, реконструирует их возможный генезис, а с другой — проводит параллели с аналогичными сюжетами в тюркском эпосе. Они являются отражением древних, общих для тюркских и славянских народов, мифологических представлений, которые свидетельствуют о наличии у них общих символов и архетипов. Войны Всеволода не случайно, как убежден автор книги «Аз и Я», сравниваются со скачущими в поле серыми волками: «Ни в одном памятнике после „Слова“ христианин не уподобляется серому. (Этот положительный образ идет со времен дохристианских культов. В тюркской и монгольской фольклорных традициях волк — образ мужества. Сравнению с волком удостаиваются не многие герои. Волк — один из авторитетнейших тотемов степного культа. В некоторых генеалогических легендах тюрки и монголы ведут свое происхождение от волка. Вспомните и древнерусский культ волка)»⁷.

⁵ Сулейменов О. «Мне нужна ситуация борьбы и соперничества». URL: <https://web.archive.org/web/20080903233625/http://www.ferghana.ru/article.php?id=4908> (дата обращения: 29.04.2025).

⁶ Сулейменов О. *Аз и Я. Книга благонамеренного читателя*. Алматы: Жазушы, 1975. С. 52.

⁷ Там же. С. 109.

Ключевым эпизодом, являющимся своеобразным мостом между славянской и тюркской мифологиями, выступает для О. Сулейменова сон Святослава Киевского. Отвечая на вопросы: «Почему именно такой сон увидел Святослав Киевский? Случайна ли символика этого сна?», — Сулейменов утверждает: «Святослав увидел во сне, что его готовят к погребению, по тюркскому, тенгрианскому обряду»⁸. Переплетение ритуалов и символов, восходящих к разным истокам, свидетельствует о культурном и религиозном взаимодействии славян и тюрков в эпоху Древней Руси. Двухязычный автор «Слова...», как доказывает О. Сулейменов, находясь в точке пересечения славянской и тюркской традиций, обретают свое неповторимое место в «зоне контакта» с ними, преодолевая драматическую ситуацию внаходимости по отношению к ним, дистанции и свободы. В его деятельности актуализируются моменты континуальности, связи, присутствия «и там, и здесь», захваченности, эмпатии, сопереживания.

Таким образом, словесный мир древнерусского памятника разворачивается в «Аз и Я» в бесконечных столкновениях и преобразованиях различных смыслов, кодов, образов, тем, в форме разного рода смысловых катастроф и откровений. Действующей в глубине текста «Слова...» синтезирующей тенденции соответствует особое качество поэтического языка: оно являет себя в открывающейся в слове семантической глубине и стилистической гибкости, способности художественного образа к бесконечным взаимным перетеканиям и превращениям смысла.

Рядоположенность литератур

Одной из опорных точек сопоставительного метода стала противопоставляемая иерархизации литератур (их ранжированию на ведущие и ведомые) идея рядоположенности, когда любые сопоставляемые литературы рассматриваются как равноправные. Эта идея в значительной степени была обусловлена устоявшимся в советском литературоведении отношением к национальным литературам как к «ученическим», развивавшимся благодаря прогрессивному влиянию более развитых литератур, прежде всего русской. Неизменным атрибутом большинства исследований, посвященных национальным литературам, было акцентирование культуртрегерской роли русской литературы. При таком подходе, по существу, редуцировалось диалогическое понимание межлитературных взаимодействий, национальные литературы утрачивали свою субъектность (как равноправные участники диалога).

Примечательно и другое: понятие «национальная литература» применительно к русской литературе, как правило, использовалось «только в исследованиях с международной тематикой, касающихся изучения ее своеобразия в контексте зарубежных литератур» [7. С. 138]. «Такое, — пишет Я. Сафиуллин, — происходило потому, что в нашей стране у русской литературы был особый статус. Она доминировала в государстве. Подражание ей в других литературах стало

⁸ Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. Алматы: Жазушы, 1975. С. 63.

правилом. Почти в каждой из национальных литератур обозначались, декларировались свой Пушкин, Шолохов, Маяковский и т.д. И сама русская литература представлялась только как часть — правда, основная, определяющая — так называемой советской литературы, которая была задумана как новое, наднациональное образование» [7. С. 138].

В своих выступлениях, статьях О. Сулейменов, не отрицая влияния русской литературы на другие литературы народов СССР, подчеркивал их равноправие в междисциплинарном диалоге. В частности, возражая стиховедам, утверждавшим, что новые формы стиха появились в казахской поэзии 1930-х гг. под влиянием поэзии В. Маяковского, О. Сулейменов пишет: «Никакой язык не дает одной поэзии преимущества перед другой. Мы просто еще не реализовали богатые возможности казахской речи. Абай, независимо от Маяковского, еще в конце XIX века, дал образцы „лестничной“ композиции строфы, основанной на количественном неравенстве слогов в строке, т.е. на неправильности размера. Он ввел несколько новых строф и принципов рифмовки»⁹.

В отношении русского культуртрегерства О. Сулейменов призывает к объективности, не избегая смелых оценок, подобно этой: «Стало чуть ли не нормой в иных романах, говоря о прогрессивных последствиях присоединения Средней Азии к России, умалчивать о негативной стороне этого предприятия, называющегося колонизацией... Воспевая Ермака, порицая Кучума, слагая оды Скобелеву и Перовскому, разглагольствуя о приятных манерах генералов Колпаковского и Кауфмана, мы как-то начинаем забывать о тысячах сожженных и растоптанных карателями аулах. Требуя от тех ханов или кедеев, кто погибал под казачьими шашками, немедленного понимания всех прогрессивных последствий этой кампании, иные писатели проявляют глубокое непонимание процессов истории»¹⁰.

В опубликованной в 1978 г. статье «Кочевники и культура: казахский эксперимент» О. Сулейменов, отвергая отношение некоторых отечественных историков к кочевникам как к варварам, которые не могли быть творцами культуры, пишет о том, что такие ученые «смотрят на свой предмет только сквозь призму средневековых хроник, даже не пытаясь применить другую оптику»¹¹. В этой же статье он объясняет ракурс видения этой проблемы в опубликованной тремя годами ранее и подвергшейся жесткой критике книге «Аз и Я»: «Я говорил — в хрониках находят место только драматические моменты истории народов, войны. Мирное время — не историческое, его трудно описать. Мир не остается в памяти. Если бы сложить годы, в которых славяне и кочевники жили рядом, мирно, занимаясь торговлей и культурной деятельностью, собрались бы целые века. Но эти века не записаны в хроники, а малейшие баталии отмечены. И эти пристрастные свидетельства монахов-летописцев ложатся в основу приговора, о котором я говорил выше»¹². «Язык, — продолжает автор статьи, — наиболее

⁹ Сулейменов О. Эссе. Публицистика. Стихи. Поэмы. Алма-Ата : Жалын, 1990. С. 23.

¹⁰ Там же. С. 31.

¹¹ Там же. С. 37.

¹² Там же. С. 39.

богатый резервуар исторической информации, избежавший произвола писцов. Источник наиболее беспристрастный. Он дает полную картину взаимодействия культур, которая противоречит безжалостному наброску историков»¹³.

Книга О. Сулейменова «Аз и Я» вызвала столь бурную реакцию у официальной власти, прежде всего потому, что она подрывала имперский дискурс отечественной науки. Это же было и причиной ее приятия творческой интеллигенцией в национальных республиках, прежде всего тюркоязычных. «Еще остаются, — писал в 1976 г. в статье „Осененный выдохом вечности — Словом“ Мурат Ауэзов, — борющиеся за свое утверждение национальные культуры, и остается проблема восстановления подлинного родства народов мира в масштабах единой истории человечества. До тех пор, пока будут давать о себе знать рецидивы спекулятивной исторической „науки“, превращающей обзор пройденного народами пути в источник шовинизма и национализма, книга „Аз и Я“, в самом названии которой заложено представление об единстве мировой культуры, будет служить чистым, как сигнал боевой трубы, призывом к борьбе с лжепатриотизмом и лженаукой»¹⁴.

В интервью, опубликованном в «Московском книжном журнале», М. Глостанова, отвечая на вопрос о роли книги О. Сулейменова «Аз и Я» в подготовке перестройки сознания советского человека перед горбачевскими реформами, говорит о том, что в нерусских читателях «эта книга пробуждала ген неповиновения, утверждения человеческого достоинства, права помнить собственные историю, культуру, язык, не сосланные на задворки мира, а вернувшиеся на свое законное место»¹⁵. Авторитетный ученый, определяя значение книги О. Сулейменова, подчеркивает, что «главной ее мишенью был европоцентризм в специфическом русско-советском изводе, генеалогию которого Сулейменов прослеживает с царских придворных псевдоисториков, задачей которых было конструирование определенного имперского мифа и подверстывание истории под него, и до советских учеников, санкционировавших, казалось, навечно созданные в предшествующий период „истины“, заменив лишь идеологическую оболочку, но оставив без изменений ту ложную философию истории и науки, которая лежала в основании этой схемы и уже активно ставилась под сомнение в остальном мире в рамках возникавших новых междисциплинарных течений — этнических и культурных исследований, постколониальной теории и т.д.»¹⁶.

Сопоставление литератур во многом явилось реакцией на европоцентризм сравнительно-исторического метода, эпистемология которого основывается на опыте европейских литератур. «Понятия, термины, на которые опирается сравнительный метод, — пишет Я.Г. Сафиуллин, — извлекаются в основном из опыта европейских и близких к ним литератур, которые связаны между собой

¹³ Сулейменов О. Эссе. Публицистика. Стихи. Поэмы. Алма-Ата : Жалын, 1990. С. 39.

¹⁴ Ауэзов М.М. Осененный выдохом вечности — словом // Вместе с Олжасом [Сб. / Сост. Сафар Абдудо]. Б.м.: Каздизайн, 1996. С. 159–166. С. 166.

¹⁵ Глостанова М. Главной его мишенью был антропоцентризм: интервью, 31 августа 2012 года // Московский книжный журнал. Москва, 2012. URL: <https://morebook.ru/tema/segodnja/item/1346433186554> (дата обращения: 06.05. 2025).

¹⁶ Там же.

генетически, развивались в совпадающих во многом условиях. Они соответствуют природе этих литератур и обеспечивают успех сравнительных исследований, проводимых на их материале. Однако представители сравнительного метода экстраполируют такого рода понятия и термины на любые сравнения, включающие в свой круг самые разные, в том числе и так называемые „восточные“ литературы. И это оказывается недостаточно плодотворным научным приемом» [8. С. 97].

Исследователи не раз обращали внимание на особенности стиля книги «Аз и Я», на то, что она написана «в форме непривычного научного дискурса», в ней «переосмыслен традиционный инструментарий гуманитарных дисциплин, преодолены ограничения академических форм знания» [1. С. 7–8]. М. Ауэзов, размышляя о жанровых особенностях книги О. Сулейменова, писал: «Жанр книги не поддается традиционному определению. Логическую последовательность и научную аргументированность ее можно поставить в пример многим академическим трудам, так же как широкий кругозор и профессиональную компетентность ее создателя. В то же время это, безусловно, художественное произведение, и по степени воздействия на чувства читателя оно не уступает место лучшим образцам „мыслящей поэзии“, мастером которой О. Сулейменов признан давно и безоговорочно»¹⁷.

Взаимодополнительность рассудочного и образного мышления является одной из опор сопоставительного метода, исходящего из того, что, логоцентризм препятствует постижению национальной идентичности литературы. «Идентичность — пишет Я.Г. Сафиуллин, — самореализация литературы. Она целостна и конкретна. Ее можно «видеть», ощутить как „чужое“, понять, описать. Стандартизированная логика разрушает идентичность» [9. С. 195].

Примечательны в этой связи слова О. Сулейменова в небольшом предисловии («От автора») к «Аз и Я»: «Читать „Слово“ мне помогло природное двуязычие, знание культурных взаимоотношений Руси и Поля, увлечение этимологией и, может быть, чувство слова и образа, выработанное упражнениями в версификаторстве» [9. С. 397].

Билингвизм, позволивший О. Сулейменову преодолеть монологический взгляд на «Слово о полку Игореве», во многом определял «плюротопическую герменевтику» (М. Тлостанова) автора «Аз и Я», выделяющуюся на фоне монотопического сознания славистов, которому оказались недоступны «смысловые пласты культуры, языка, религии, космологии и возникали все те искажения, о которых пишет Сулейменов»¹⁸. По словам М. Тлостановой, получивший распространение на Западе и впоследствии перенесенный и на российскую почву «перевод любых западных форм знания и выражения строился по принципу однонаправленности — они лишь изучались, описывались и классифицировались западным субъектом, как заведомо лишённые голоса и активности объекты»¹⁹.

¹⁷ Ауэзов М.М. Осененный выдохом вечности — словом // Вместе с Олжасом [Сб. / Сост. Сафар Абдудо]. Б.м.: Каздизайн, 1996. С. 159–166. С. 159.

¹⁸ Тлостанова М. Главной его мишенью был антропоцентризм...

¹⁹ Там же.

Положение исследователя-билингва, эвристическая позиция которого во многом определялась ситуацией культурного, языкового, литературного пограничья, позволила О. Сулейменову увидеть новые смыслы. Такая позиция коррелирует с идеей диалога, понимаемого как встреча разных литератур в читательском восприятии. «Владение двумя или несколькими языками, — пишет Я.Г. Сафиуллин, — углубляет и обогащает диалог. Включение читателей в диалог делает его практически бесконечным...» [9. С. 192].

В манифестируемой в предисловии герменевтической установке О. Сулейменова: «Я отказался от темы „Тюркизмы в “Слове”» — понял, что узкая специализация продуктивна в математике, а не в человековедении. „Слово“ нужно читать не коллективом Мы (Славист, Тюрколог, Историк, Поэт и пр.), а коллективом Я. Те же персонажи, но объединенные в одной личности» [11. С. 397], — выражена идея междисциплинарности, являющаяся одной из основ сопоставительного литературоведения.

Заключение

Отношение О. Сулейменова к национальным литературам и культурам как равноправным участникам межлитературных диалогов резонирует с идеей рядоположенности литератур, согласно которой они начинают проектировать совместный креативно-рецептивный смысл, выявляющий, с одной стороны, универсалии мирового бытия, проявляющиеся в космосе, природе, истории и культуре, и с другой — раскрывающий потенциал их этнокультурной идентичности. Эти семантические потоки, развивающиеся в расходящихся направлениях, содействуют преобразованию культурного ландшафта, открывая взаимосвязь, взаимообусловленность и взаимопереходы «локального» и «универсального», единичного и единого, национального и общечеловеческого.

Открытая в книге «Аз и Я» тенденция, сближающая культуры Евразии, действует и в сфере диалога разных национальных литератур, показывая, как из различий, контрастности, даже противостояния рождаются преодолевающие их новые смыслы, толерантные по своему содержанию и функциям. Они оставляют далеко позади барьеры и границы, разделяющие историко-культурные смыслы, которые, с одной стороны, порождены европейской культурой и являются элементами ее целостного макроконтеста, а с другой — восходят к восточным кодам. В концептуально-семиотическом пространстве диалога культур эти коды начинают функционировать по-новому, соотносясь с разными традициями и утверждая общечеловеческие истины, стоящие выше деления мира на Запад и Восток.

Список литературы

1. *Бахтикиреева У.М.* «Но людям я не лгал...» К 75-летию юбилею Олжаса Омаровича Сулейменова // Вестник РУДН, серия Теория языка. Семиотика. Семантика, 2011. № 3. С. 5–17. EDN: PXZSZX
2. *Бор Н.* Атомная физика и человеческое познание. Москва : Изд-во иностр. лит., 1961. 151 с.
3. *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. Ленинград : Худож. лит-ра. Ленинград. отд., 1971. 414 с.

4. *Лотман Ю.М.* О русской литературе. С.-Петербург : Искусство-СПБ, 1997. 848 с.
5. *Гаспаров Б.М.* Поэтика «Слова о полку Игореве». Москва : Аграф, 2000. 608 с.
6. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. Москва : АСТ, 2006. 573 с.
7. *Сафиуллин Я.Г.* Что такое национальная литература? Приглашение к дискуссии // Проблемы сравнительного литературоведения и фольклористики Урало-Поволжья: сб. статей и материалов: к 70-летию литературоведа и фольклориста, доктора филологических наук, профессора В.Г. Родионова, Чебоксары : ЧГИГН, 2018. С. 132–159. EDN: CQFIAI
8. *Сафиуллин Я.Г.* Сопоставление литератур // Теория литературы : словарь для студентов / науч. ред. Я.Г. Сафиуллин. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2010. С. 97–98.
9. *Сафиуллин Я.Г.* От романтизма к сопоставлению литератур / науч. ред. М.И. Ибрагимов; сост.: В.Р. Аминова, Э.Ф. Нагуманова, А.З. Хабибуллина. Казань, 2021. 576 с.

Сведения об авторах:

Аминова Венера Рудалевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет; ведущий научный сотрудник Отдела литератур народов России и СНГ ФГБУН, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Российская Федерация, 480008 Казань, Российская Федерация, ул. Кремлевская, д. 18; 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а. SPIN-код: 9339-4147. ORCID: 0000-0003-4016-2242. Scopus-Id: 56104054500. E-mail: amineva1000@list.ru

Ибрагимов Марсель Ильдарович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией сопоставительного татароведения, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, 420111, г. Казань, ул. Баумана, д. 20. ORCID: 0000-0002-7805-3167. E-mail: mibragimov1000@mail.ru

Миннуллин Ким Мугаллимович — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела народного творчества, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, 420111, г. Казань, ул. Баумана, д. 20. ORCID: 0009-0004-7241-9449; SPIN-код: 4906-7891. E-mail: minnullin.kim@yandex.ru.